

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ «ОТ ЗАЙЦЕВА»

Человек изменяет свою судьбу.
Он уже не раб обстоятельств.
Он ими погоняет

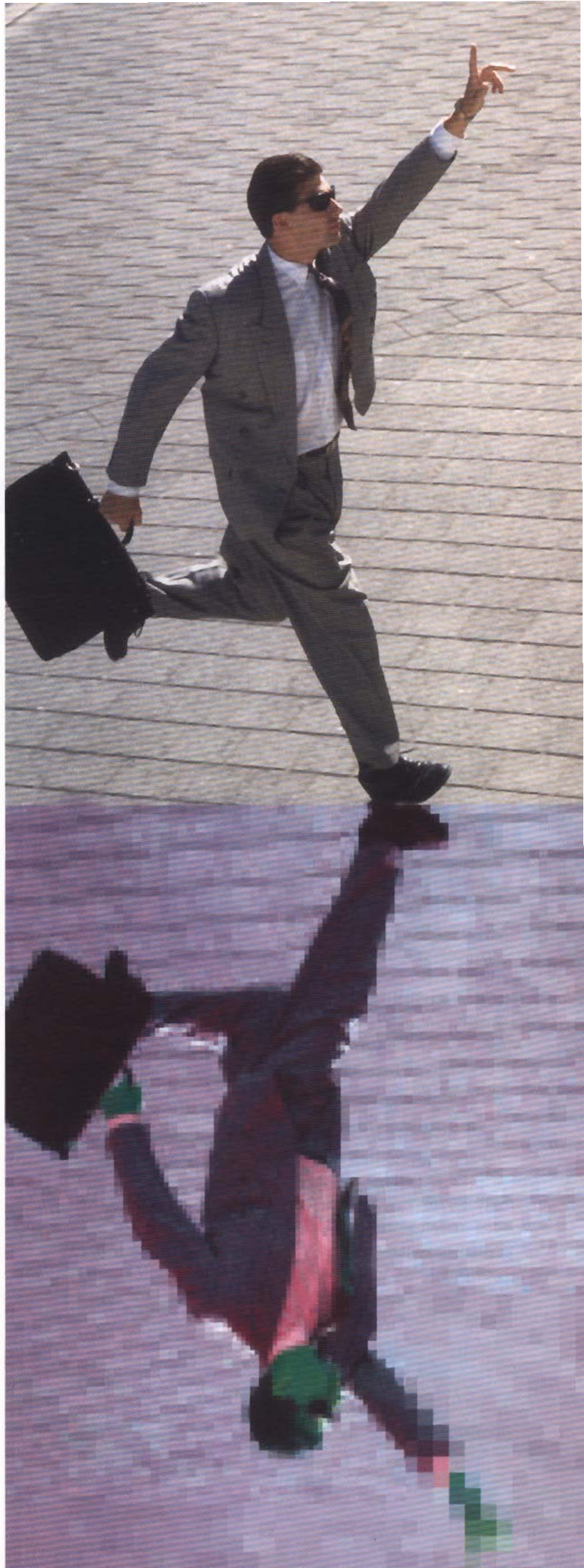
Карьера трех товарищей, трех молодых кандидатов наук начиналась в Украине одинаково успешно. Но вот один из них (биолог) выиграл стипендию имени Гумбольдта, уехал работать в Германию на три года... И не вернулся. Вскоре второй (тоже биолог) заочно сдал экзамены, был зачислен в аспирантуру американского университета, уехал на учебу... И тоже не вернулся. Третий (химик) попал на год в Англию... и вернулся. Еще не раз он надолго покидал Украину и всегда возвращался. Почему?

Формально все началось с визита в Киев летом 1990 года «железной леди» — Маргарет Тэтчер. В те дни английский премьер лично поздравляла победителей впервые проведенного конкурса среди молодых ученых — British Council (на стажировку в университетах Англии). Из десяти финалистов мой собеседник, **Владимир Николаевич Зайцев**, оказался единственным химиком по образованию, как и Маргарет, и единственным, кто, вручив гостю альбом о Киевском университете, завязал с ней непредусмотренную сценарием живую неформальную беседу.

«Мне запомнилась ее холодная как лед рука, которая все же потеплела, когда мы обменивались прощальным рукопожатием», — говорит ныне свежеспеченный (защита прошла полгода назад, а диплом получен за день до нашей встречи) доктор химических наук доцент кафедры неорганической химии Национального университета имени Т. Шевченко.

И девяти лет не прошло, как мало кому тогда известный кандидат наук превратился в опытного и успешного «охотника за грантами». Для задыхающихся от безденежья и безысходности научных работников эта формулировка ныне звучит авторитетнее, чем звание академика АН УССР в годы существования СССР.

Пребывание в Англии в 1990—91 годах научило нашего героя работать так, как работают за рубежом все ученые, занимающиеся фундаментальными (то есть не дающими моментального коммерческого результата)

научными исследованиями. Все они выбивают финансирование, посылая свои предложения на конкурсы в различные фонды и организации, которые выделяют гранты — безвозмездно расходуемые средства для научных исследований. Эта естественная форма существования ученых на Западе для наших — все еще в диковинку.

— Как ты думаешь, почему? — спросил я Володю (знакомы мы давно и потому, естественно, «на ты»).

— Ученые с трудом приспособляются к новым условиям. Нет у большинства наших людей желания увеличивать себе количество хлопот. Именно потому многие «при званиях и должностях» подростку не умеют воспользоваться возможностями, которые перед ними возникают. Действовать они начинают чаще всего только в безвыходных ситуациях.

Первыми в таких ситуациях оказались более приспособляемые и гибкие молодые аспиранты и ученые, которым нечего было терять и которые начали уходить из Академии наук — за рубеж или в бизнес.

— А почему ты остался и в науке, и в Украине? Расскажи о себе...

— Родился в октябре 1958 года в семье инженера, коренной киевлянин. Учился без особого успеха в «более чем» средней школе №67. В 1976 году поступил на химический факультет КГУ (кстати, со второй попытки. Будущий доктор наук по химии при поступлении сдал ее на «4» — А. Л.).

Начал работать лаборантом в той же лаборатории, где и сейчас — то есть уже 22 года на одном месте. В 81-м закончил университет с красным дипломом, поступил в аспирантуру и через три года защитил диссертацию. С тех пор совмещаю преподавательскую и исследовательскую деятельность. И на вопрос: «Что вы можете делать?» я отвечаю просто: «Могу учить, заниматься исследованиями. Больше ничего не умею».

— Ты забываешь добавить, что умеешь привлекать финансы из-за рубежа. Расскажи подробнее о выигранных конкурсах...

— Пожалуй, я просто акцентирую внимание на важных, как мне кажется,

ся, моментах в моей карьере «грантхантера». Выигранный конкурс по линии British Council на учебу (scholarship) в Англии действительно был первой поездкой, но не первой попыткой. Чуть раньше я подал документы на первую для химиков школу во Франции, финансируемую НАТО, и тоже прошел — получил приглашение. Нужно было выбирать. И я выбрал Англию.

Затем были тревел-гранты (оплата проезда и проживания) от фонда «Відродження» в Шотландию, на пять-шесть на-

студенток, скажем, год стажировалась в Германии.

— Давай вернемся в 1990-й...

— Попав на Запад впервые, убедился в том, что я нормальный человек. Нормальный не по особым советским меркам, а в общечеловеческом смысле — контактировать с людьми мне там было даже легче, чем здесь, хотя некоторые вначале воспринимали меня как агента КГБ. Человек из СССР в длинном кожаном плаще в 1990 году в Англии полностью соответствовал их киношному стереотипу «агента КГБ».

Единственное, что тогда сразу бросилось в глаза, — как мы отличаемся от иностранцев тем, что всего боимся. Взгляд нашего простого человека всегда напряженный. А начальника, наоборот: как будто он родился «с выражением гнева на лице и мата на устах».

— А как иностранцы относятся к нашим за рубежом?

— Впечатление субъективное: к нам они относятся с интересом, пытаются понять, чем же мы отличаемся от русских. Немцы относятся к нам с некоторой неприязнью, как мы к клопашайкам в метро. Англичане — свысока, как ко всем иностран-

Неотъемлемая часть вашего делового стиля — это ребенок в приличной частной школе

учных конференций от Фонда Сороса, НАТО или организаторов конференций, вновь от British Council (1995) для окончания написания монографии.

Последние гранты от Фонда Сороса, ИНТАС и НАТО были выделены для проведения исследований в Украине, без поездок за рубеж.

— Это их качественное отличие. Ведь лично ты от этого ничего не имеешь.

— Да, но здесь важно то, что эти конкурсы вместе со мной выигрывают и получают стипендии и мои студенты, и мои аспиранты. Одна из

цам. Американцы — со снисхождением, понимая, как далеко нам до них. Но — дружелюбно, как мы к братьям нашим меньшим — собакам.

— **Это впечатление сложилось во время пребывания в США по программе Fullbright?**

— Да. Эта программа включает учебу, чтение лекций, исследования и передвижение по стране. Fullbright считается высшей стипендией в США, которая присуждается государственной организацией и по деньгам превосходит очень престижную в научном мире стипендию частного Фонда Александра Гумбольдта.

Но более важно то, что я мог читать там лекции в качестве представителя украинской науки. Это мало кто делал до меня.

Очень мало наших и русских ученых читают лекции в США по двум причинам: во-первых, плохой английский язык и, во-вторых, лекции эти, как правило, рассчитаны на узких специалистов. Там же лекторы строят изложение предельно понятно и образно. Если ты не подашь свой товар в удобоваримом для покупателя — студента — виде и не затронешь его эмоции, то он не будет ходить на твои лекции и, соответственно, тебя не будут приглашать их читать.

Мне, видимо, повезло: меня стали приглашать читать лекции по всему

Западному побережью США — от Южной Калифорнии до Сиэтла в штате Вашингтон. При этом мне оплачивали и дорогу, и проживание, и прокат машины, и платили приличный гонорар.

— **Можно сказать, что ты фактически делал то же самое, что и спортсмены, которых называют «дипломатами страны»...**

— Я не только учился их способу жизни. Я разрушал стереотипы. Американцы видели, что мы нормальные люди и тоже что-то делаем в науке. Ведь существовало большое предубеждение, вызванное тем, что у нас за рубеж ездили не те ученые, которые делали науку, а администраторы, которые ее «возглавляли». И выступавшие с докладами не могли, как правило, даже ответить на вопросы по своему докладу или поддержать дискуссию в смежной области. Такова была система.

Но мне повезло еще и в том, что между мной и большим начальством не было промежуточных звеньев. К тому же мой научный руководитель — академик Скопенко — был одновременно вечно занятым ректором Киевского университета, и это научило меня быть самостоятельным.

— **А как ты попал в справочники «Who Is Who in the World» и «Who Is Who in the Science»?**

— Это следствие участия в программе Fullbright и чтения лекций в США. Компания «Маркус» — издатель справочника — прислала мне предложение на помещение в него сведений обо мне. Я согласился. Ибо об ученых мало кто знает вообще, тем более об украинских. А хорошо бы, чтобы Украину упоминали не только в связи с победами братьев Кличко или скандалами из-за коррупции. К тому же это не коммерческий справочник, то есть мне не нужно было за это платить, как за членство в некоторых обществах или академиях. Кроме того, там приводятся сведения и о родителях, и о семье. И это не просто очень приятно. Это справедливо: в моих успехах велик вклад и моей матери, и жены.

— **Ты не задумывался, почему у тебя получается то, что другим не под силу? Кто ты по натуре?**

— Я далек от мысли, что я выдающийся исследователь или администратор, то есть умнее, хитрее или опытнее других. Просто я вовремя оформляю бумаги, я работоспособный и целеустремленный. Это есть. И второе — знание языка. А еще есть у меня любимое изречение: «Чтобы попасть в цель, часто нужна не меткость, а смелость»... В науке так же, как в бизнесе или торговле, нужно не только производить «продукт», но и уметь «продать» себя. А по натуре я, скорее всего, — язвительный оптимист. В детстве я легко выходил из себя и часто плакал по любому поводу. Но постепенно выработался барьер в восприятии трудностей. И это стало частью моей природы — искать полезные и позитивные моменты в неприятностях.

— **Ну, например, в каких? Можешь привести примеры?**

— Я не выиграл ни одного украинского проекта, на которые подавал документы. Здесь результативность — ноль. Зато выиграл 100 % международных конкурсов, в которых участвовал. 🏆

Беседу вел
Андрей Лазаренко

МАРТ 1999

ГРИНД

ЖИЗНЬ И БИЗНЕС * LIFE & BUSINESS

СЕЙЧАС

ЖИВИТЕ

NE